

Л.А. ГУЦАЛЕНКО,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

ВЕРНУТЬСЯ К ЧЕЛОВЕКУ, НО К КАКОМУ?

Проблемы современного мира рассматриваются в контексте человека, поскольку без него они не возникают и не решаются.

The problems of a modern world are considered in the context of man as without him they don't appear and aren't solved.

Общественная мысль не единожды отмечала корреляционные взаимосвязи между различными переменными, характеризующими признаки главного социального субъекта (личности) и главного социального объекта (общества). Если такие взаимозависимости, скажем в эпоху Ренессанса, носили в основном позитивный характер, т. е. способствовали ускорению прогресса, то к середине XX ст. негатив начал постепенно превышать позитив. Все более очевидной становилась неспособность человека с должным эффектом использовать им же обеспеченные научно-технические достижения для социального прогресса, разумного баланса интересов индивидов, социальных групп и общества как главного гаранта их благополучия.

Действительно, «экспресс цивилизации», несмотря на оснащенность электроникой и даже «воздушной подушкой», то и дело «потряхивает» на различного рода нестыковках «колеи» прогресса. Он периодически задерживается на промежуточных станциях, одну из которых можно условно назвать «Экологический кризис» (эрозия почвы подбирается под саму «колею»); другую станцию – «Энергетический кризис» (падает мощность электродвигателя «экспресса»); третью – «Демографический кризис» (стало трудно подобрать безупречный по состоянию здоровья персонал обслуживания «экспресса»); четвертую – «Финансово-экономический кризис» (не хватает средств на совершенствование, ремонт «экспресса» и приличную зарплату персоналу); пятую, в которую вообще нельзя попасть, ибо ее название «Чернобыльская зона» (благо, что эта зона локализуется лишь на территории трех, а не тридцати трех стран, хотя чернобыльские радионуклиды можно обнаружить даже на арктических просторах).

Но, пожалуй, самое критическое положение, которое, так или иначе, определяет все названные очаги деструкции на нынешнем этапе истории цивилизации, аналитики фиксируют на станции под названием «Кризис человека». Он поразил всех, каким-либо образом причастных к появлению злополучных «станций», толком не знающих, как выправить ситуацию, предотвратить транспорт от гибельной аварии и как и куда дальше ехать.

Содержание метафор, выраженное в названиях станций, свидетельствует о том, что кризис современного мира не односторонний, кратковременный и циклический. Он охватывает большой комплекс важнейших проблем бытия всего человечества. Причем каждая из них существует уже много лет, и, поскольку рецепты ее решения до сих пор не найдены, она провоцирует возникновение новых проблем, усложняет, усугубляет общий кризис, придает ему системно-структурный, а в ближайшей перспективе, возможно, и необратимый характер. Каждая нерешенная вовремя проблема – мина замедленного действия на пути прогресса. Социальные перемены в период

информационно-технической революции настолько стремительны, а отставание в преодолении упомянутых негативных факторов так велико, что, по словам директора Института социально-политических исследований РАН Г.В. Осипова, сегодня «впервые за всю историю человечества “не успеть” почти автоматически означает “не успеть навсегда”»¹.

Таким образом, антикризисные стратегии мирового сообщества усложняются еще и тем, что предстоит в максимально сжатые исторические сроки *одновременно преодолеть два взаимосвязанных кризиса: мирового общества и человека*. Ведь нарастающие дискретность движения и диспропорции (прежде всего между материальными и духовными устремлениями людей, их деятельностью и ее противоречивыми результатами) усугубляют существующие трудности и детонируют более конфликтные проявления деструктивности в ходе развития современной истории вплоть до вооруженного способа решения наиболее острых проблем.

1. Антропологический кризис: причины и социальные последствия

Все противоречия, конфликты, кризисы, как правило, сначала вызревают в практической деятельности людей, социальной реальности и только впоследствии осмысливаются в обыденном, затем в теоретическом сознании. По историческому некоторого времени в зависимости от того, как социальные явления объясняются теорией, категориальное сновое трансформируется в реальное (ныне – часто и в его виртуальный аналог). Причем от качества гносеологического цикла зависит, худший или лучший вариант конкретного социального конструкта находит воплощение в праксеологическом (практическом) цикле.

Как ни печально, в рассматриваемом вопросе теория пока что помогает практике недостаточно эффективно. Так, многовековой спор номиналистов, признающих ведущую роль личности в обществе, и реалистов, отстаивающих приоритет различного рода объективных образований, до сих пор не дал четкого ответа. Следовательно, о возможности установить подлинную причину все более частых сбоев в ходе общественного прогресса, а следовательно, и выработать способы его выравнивания ныне приходится говорить скорее как о пожелании, чем об исполнении.

Вот почему сегодня представляется весьма актуальной необходимость вспомнить довольно категоричное и вполне правомерное требование, которое выдвинул в 1964 г. Дж. Хоманс. «Возвращение к человеку!» – так озаглавил он свое президентское послание ежегодному собранию Американской социологической ассоциации. Пафос призыва состоял в отрицании позиции примыкавших к объектоцентризму (реализму) сторонников структурно-функционального анализа. «Функционалисты не уставали говорить о том, – отмечал оратор, – что ими рассматривается институционализированное поведение и что единицей социального анализа является не действующий индивид, а роль. При этом никогда не задавался вопрос, почему существуют роли вообще»².

Институциональное поведение означало исполнение внешних, идущих от организационно структурированных частей общества, программ деятельности индивидов. Функция последних заключается в адаптации к этим программам и провозглашенным в них интересам, целям и ценностям. За тем, как соответствует поведение экспектациям, строго следит организованный опять же институтами социальный контроль. Поэтому вполне понятно, почему будущий тоталитаризм «по-родственному» воспринял такие установки функционалистов.

Дискредитация индивидуальности, как явствует из послания, вытекала, в частности, из ориентации социологии, которая, согласно Э. Дюркгейму, была призвана изучать не людей, а «общество или другие социальные группы» и поэтому не могла «объяснить социальные явления»³.

Названные направления интерпретации места и значения человека в истории и локально взятом социуме методологически «задаются» исходными философскими принципами, подходами, типами мировоззренческой рефлексии. Соответствующие философские предпочтения обусловлены материализмом и идеализмом, между которыми располагается множество их разновидностей. К примеру, марксизм, несмотря на все его, в том числе и выгодные, отличия от других разновидностей объектоцентризма (реализма), также склонен к дискредитации личностно-индивидуального по сравнению с общественно-коллективным, объективно-институциональным. Здесь общественное сознание вторично по отношению к общественному бытию, а индивидуальное сознание – по отношению к общественному. Получается, по сути, как у структурно-функционалистов: личность при всех оговорках о ее значимости низводится до исполнителя программ институциональных структур.

Идеализм также фактически лишает человека статуса автономного самодостаточного существа. Объективный идеализм в принципе выносит источник происхождения и существования индивида за пределы объективной и субъективной реальности на уровень некоего абсолюта (идеи у Платона, абсолютной идеи у Гегеля, а в конечном счете – в бесконечности божественного континуума). Субъективный идеализм также ограничивает сущность и мир человека духовными интенциями, которые обладают самодостаточностью и ничего общего не имеют с социальной практикой реального социального существа.

А некоторые разновидности субъективного идеализма вообще вынуждают усомниться в фактическом и даже символическом наличии самого рефлексирующего... философа. Наиболее последовательным приверженцем такого взгляда был английский философ епископ Дж. Беркли. «Предметы ощущений существуют лишь в духе...»⁴ – утверждал он. Получается, что человек, хотя и одушевленный предмет, однако в принципе сам по себе как самостоятельный рефлектирующий и действующий субъект... не существует, а наличествует лишь тогда, когда некто его воспринимает.

Любое посягательство на самодостаточность, на способность человека совместно с себе подобными творить историю, предпринимаемое с позиций любого учения, желают или нет этого конкретные авторы, приводит к серьезным негативным социальным последствиям.

1. Объектоцентристские теории ставят социальные институты, особенно управленческие, политические, идеологические, экономические, над личностью. Тем самым они всех, кто организационно не входит в данные образования (а это подавляющее большинство граждан), зачисляют в разряд людей с более низким ценностно-социальным цензом. Но даже принадлежащие к высшей касте функционеры социальных институтов часто в силу корпоративной этики считают себя лишь исполнителями общей профессиональной, а не своей индивидуальной воли.

2. Низведение человека до положения социальной марионетки не могло не сказаться отрицательно на качестве выполнения им всех своих социальных функций: гражданских, моральных, профессиональных, общечеловеческих, семейных и т. д. В них он обретал, проявлял не себя, не свои подлинные сущностные силы, мотивы, ценности, а идеологически отфильтрованные социальные стереотипы характера и поведения. Это обстоятельство приводило к латентной индифферентности, пассивности, депривации, торможению, деформации, имитации развития индивида и общества. Если кто-то думает, что все это осталось в прошлом, то ошибается: манипуляция сознанием и поведением человека по мере развития информационно-технологической, пропагандистской индустрии продолжает набирать обороты, особенно на постсоветском пространстве.

3. Отсутствие необходимых возможностей социального самообеспечения, самообустройства, несмотря на практикуемый ныне в этом пространстве мелкий и средний бизнес (его доля весьма незначительна), по-прежнему ориентирует людей в основном на помощь извне (патернализм), а не на себя, свои силы. Как правило, вслед за обязанностью социального обслуживания его персоны среднестатистический гражданин охотно перекладывает на государство социальную ответственность за состояние всех дел в обществе и его собственного промысла. Он предпочитает не прилагать личных усилий с целью создания благоприятной социальной ниши для себя, но всегда стремится первым занять готовую. Иными словами, конкурирует не столько в социальном производстве, сколько в социальном потреблении.

4. Замешанные на объекто-системоцентризме авторитарные теории, пренебрегающие самоценностью личности, продолжают «подпитываться» не только за счет вульгарного материализма, но также и шовинизма, национализма, расизма, политического, религиозного фанатизма, экстремизма и т. д. Сейчас все труднее понять, кто в многочисленных, десятилетиями не затухающих конфликтах выступает как агрессор, а кто – как обороняющийся. Все чаще конфликтный человек в современном мире становится человеком воюющим.

5. Наконец, сохраняется весьма опасная тенденция, связанная с тем, что объектоцентризм существенно мешает поиску основных подлинных причин противоречивости, осложнений и все более частых сбоев, особенно характерных для современного этапа развития истории, цивилизации. Отрицая ведущую роль человека в этом процессе, он одновременно мешает видеть, что указанные причины берут начало на личностном уровне и лишь затем проявляются, модифицируются, тиражируются на уровне социетальном, общеисторическом.

Вот почему в призыве Хоманса вернуть человека в центр социологического знания, а значит и эксплицируемого им социума заключается возможность понять, откуда, вернее, от кого репрезентируются в обществе не только ценные, но и антиценные артефакты. Понять, что исходит от людей, а что – от социальных институтов и как достичь разумного баланса дихотомичных, противоположных идей, мотивов, поступков, их последствий, тенденций и т. д.

Надо подчеркнуть: призыв американского социолога весьма эффективно подтверждает учение другого классика социологии М. Вебера о личностно-сущностной и институционально-формообразующей стороне исторического процесса⁵. Последовательно развивая такой подход к истолкованию социальных закономерностей, Хоманс подвергает сомнению факт самовозникновения и самодетерминации одного из основных сегментов социальной системы – социальной роли. Он дает понять, что истоки ее происхождения – в деятельности людей. Спустя всего два года, в 1966 г., П. Бергер и Т. Лукман обосновали приоритет индивида в конструировании всех элементов социального института, начиная с социального действия человека, которое и порождает ролевую субстанцию, аккумулирующую лучшие, так сказать, конкурентоэффективные образцы этих действий⁶.

Сегодня парадигма о центрированном месте личности в социуме становится доминирующей. Н.В. Романовский, изучивший историю развития социологической мысли, пришел к заключению: на одном ее полюсе – институционализм, который отводит личности роль внешнеориентированного индивида, помещенного в уже готовые социальные конструкции. «На другом полюсе – агентность (важная новация современной социологии, выросшая из понятия “субъект действия”), наделяющая мотивированного и осознанно действующего человека ролью “толкача” истории (развития общества)»⁷.

Можно также указать на другие работы последнего времени, авторы которых однозначно отмечают социообразующую сущность и деятельность человека в истории, в том числе в социальной системе. Такую позицию, в частности, занимает профессор А.Л. Маршак, утверждающий, что в центре возникновения и развития цивилизационно-культурного процесса стоит их творец – человек⁸.

Но в теоретических дискуссиях тоже действует всеобщий закон диалектики: раз есть одна сторона (точка зрения), то должна быть и другая – противоположная, т. е. субъектоцентристам противостояли и будут противостоять объектоцентристы. В результате не только в теоретической, но и в учебной литературе продолжают попытки отрицать центральное место личности в социуме. Это, к примеру, наблюдается в многократно переиздающихся учебниках по социологии⁹.

Однако вопреки точке зрения объектоцентристов исследователи, осмысляющие социальную динамику не только теоретически, но и на основании практической жизни людей и народов, придерживаются иных взглядов. Так, весьма многоопытный и разносторонний аналитик и практик – руководитель известной международной неправительственной организации «Римский клуб» А. Печчеи еще несколько десятилетий назад, когда стали обозначаться контуры мирового кризиса, аргументированно доказывал, что именно человек является творцом социальной реальности, а следовательно, всего положительного и отрицательного, что в ней встречается. Поэтому «нынешние затруднения коренятся в недостатках самого человека»¹⁰. Отсюда ясно: основная причина кризисного состояния современной цивилизации скрывается не в каких-то отдельных ее аспектах, моментах, а в ее главном субъекте: «Во внутреннем кризисе самого человека, его разладе с существующим миром...»¹¹

Действительно, человек из многих альтернативных вариантов выбора (мотивов, целей, интересов, потребностей и т. д.) не всегда принимает «к исполнению» лучший. А часто по той же причине, решая текущие дела, упускает из виду перспективу (экономическую, политическую, экологическую, социокультурную и пр.), тем самым порождая нарастающий как «снежный ком» ворох нерешенных вовемя проблем.

Обобщая, приходим к пониманию всей сложности социальных последствий антропологического кризиса. Если отдельные люди что-то делают не так, то позже они могут при желании поправить дело. Но когда «не так» поступают целые социальные группы, правительства, народы, то это намного осложняет историческую коррекцию тех или иных нежелательных тенденций.

Другие авторы, высказываясь в том же ключе, что и А. Печчеи, называют другие аспекты основной причины кризисного состояния современного мира, его субъекта и путей их оздоровления. Так, по мнению С. Грофа, нынешний кризис общества и человека «в своей основе является кризисом духовно-психологическим...»¹². Соответственно его разрешение нуждается в «коренном внутреннем преобразовании человечества... восхождения на более высокий уровень эмоциональной зрелости и духовного сознания»¹³.

Следовательно, диспропорции охватили, пожалуй, все виды и элементы социальной и духовной структуры личности. Ее кризис носит столь же структурный характер, как и кризис общества. Иначе и не могло быть, если исходить из признания конструктивной, ведущей роли человека в социально-историческом процессе.

2. Постчеловеческая альтернатива: вероятность или преувеличение?

Одни аналитики в возникшей ситуации верят в возможности человека совладать с внутренними и внешними причинами кризиса, все более явно принимающего глобальный, т. е. не только всемирный, но также социальный и личностный характер. Другие считают, что лучше заменить «автора» цивилизации: если он за сорок – пятьдесят тысяч лет смог лишь

«подвести» ее на грань краха, то вряд ли сможет предотвратить ее гибель. В связи с этим очередной «научной» модой стало порождение субститута (заменителя) человека, иначе говоря, различных вариантов постчеловека.

Кстати, поиск такой альтернативы начался не сегодня и не вчера, а в глубокой древности. Тогда люди входили в противоречие с окружающим миром не потому, что создавали механизмы более совершенные, чем могли успешно использовать. Напротив, из-за отсутствия необходимых знаний, навыков и рациональных форм совместной деятельности субъекты первобытной социальности тысячи лет повторяли рутинный образ жизни. У их более «продвинутых» соплеменников мучительно медленный темп изменений (темпоральный застой) вызывал разочарование и стремление совершить резкий скачок в возрастании человеческого потенциала. Вероятно, это обстоятельство и послужило поводом для возникновения первых утопий о «сверхчеловеке». Так, Ф. Ницше в уста древнеиранского пророка Заратустры вкладывает следующие слова, обращенные к народу: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?»¹⁴ У философа был важный повод представить новую редакцию мифа о пророке, но уже адресованную современникам «великого бунтаря». Действительно, ему претила размеренная, самодовольная, бедная на новизну жизнь немецкого бюргера. Отсутствию свежего ветра перемен, возвышенных духовных ценностей Ф. Ницше в образе «сверхчеловека» противопоставил энергию, активность преобразования человеком себя и мира. Причем герой во имя своих бунтарских целей был готов на бескомпромиссность, даже жестокость, попрание общепринятых норм, прав других людей, особенно тех, кто не разделял его жизненного кредо. Некоторые из этих черт пришлось по душе агентам социализации фашистского типа, чего не мог предвидеть мятежный мыслитель.

Разрабатываемая сегодня альтернативная, постчеловеческая антропология во многом сохранила преемственность идеи «сверхчеловека», правда, с поправкой на возможности его внесоциального, т. е. информационно-технологического, конструирования с учетом достижений биогенетики и биотехники. Дескать, обычный биосферный человек, с одной стороны, оказался неспособным справиться со сложными проблемами современной информационно-технологической эпохи. С другой – ему просто не выжить в донельзя загрязненной окружающей среде и перегруженном колоссальным количеством данных информационном пространстве.

Одним из первых «выстрелил» по окопам традиционного *homo sapiens* американский автор Ф. Фукуяма. Он рассматривает несколько возможных вариантов «преемников» естественного, т. е. такого, каким мы его знаем, человека. 1. С помощью психотропных средств (соединений химических и природных продуктов) осуществимо изменение характера человека. Флегматики станут живыми и веселыми, мрачные – открытыми и общительными. Можно будет одну «личность» иметь по будням, другую – в выходные. 2. Стволовые клетки позволяют регенерировать любую ткань тела. Вам нужно, к примеру, новое сердце – дайте заказ и его вырастят в теле... коровы или свиньи. 3. Богатые проверяют эмбрионы и заводят себе одаренных детей¹⁵.

Короче, нужда в социализации личности отпадает, ее заменяет лаборатория. Справедливости ради стоит признать, что в последнее время автор шокирующих сценариев внесоциального формирования «людей» будущего стал несколько сдержаннее и реалистичнее в прогнозах. Так, имея в виду трагические последствия применения некоторых, плохо проверенных, но получивших сумасшедшую рекламу медпрепаратов, Фукуяма предостерегает: «Неужели и насчет клонирования нужно ждать ужасных результатов»¹⁶. То есть отменить смертоносные «лекарства» или ужесточить контроль не до, а после масштабной трагедии...

Если ницшеанскую концепцию постчеловека можно назвать социально-исторической альтернативой, связанной с определенными периодами в истории цивилизации, то сценарий Фукуямы и ему подобные скорее правомерно отнести к социально-технологической альтернативе социально-природному *homo sapiens*.

Следующий вариант постчеловеческой эволюции (вернее, инволюции) имеет явно элитарно-альтернативный характер. Эту версию излагает, в частности, О.В. Летов. Она не совсем заслуженно именуется трансгуманизмом, хотя гуманизма здесь маловато, зато налицо выход за его пределы, о чем свидетельствует приставка «транс». Определенная, надо полагать, социально привилегированная страта в обществе получает возможность «освободиться от биологических оков», которые якобы ограничивают развитие человека. На «выходе» предполагается некоторое подобие «интеллектуальных» особей, привилегией которых становится не что-нибудь, а управление обществом. В отличие от платоновских философов-мудрецов с отменной спартанской физподготовкой представителям информационно-технологического правящего класса достаточно уметь оперативно манипулировать сумасшедшим объемом информации и не обременять себя добродетелями, благородными чертами-манерами, свойственными элладской элите. Оставшееся обычными людьми большинство населения хотя и не рабы, как у Платона, но приобрести более престижный статус им не позволено.

В то же время предусматривается существование либеральных институтов, регулирующих права всех, но, как видно, не для всех равные. Трансгуманисты намерены заявить о себе решительно и вполне серьезно. Их сообщества из различных стран претендуют на международное признание своей организации. Всемирная ассоциация трансгуманистов в 2004 г. провела конференцию в канадском городе Торонто¹⁷.

Среди различных модификаций постчеловеческого издания *homo sapiens* стоит выделить также концепцию американского профессора М.Н. Эпштейна. Хотя она формально и примыкает к трансгуманизму, тем не менее от предыдущего варианта отличается. Во-первых, данное направление располагает своей «собственной» теорией – гуманологией. Ее предмет – человеческое, которое остается за пределами машины, и человеческое, которое интегрируется в машину. Быть человеком – значит становиться «сверхчеловеком». Во-вторых, похоже, что человеку представляется выбор оставаться вне машины или интегрироваться в нее, и не запросто, а приложив определенные творческие индивидуальные усилия. Самое драматическое – асоциальное – состоит в «проблематизации» собственно человеческого, не подверженного «машинизации». Его ожидает незавидная участь: попасть в своего рода резервации, или, по выражению автора, в «андропарки»¹⁸. Исходя из сказанного, означенную здесь концепцию постчеловеческой популяции правомерно назвать альтернативной гуманологией.

3. Человеку нужно не чужое, а его будущее

Рассмотренные нами здесь далеко не все вариации постчеловеческой тематики объединяет одна черта: речь идет о любом «будущем» – машин, механизмов, разного рода конструкций, «думающих» устройств, напоминающих человека, но не его биопсихосоциальную природу, сущность. А она, как известно, – в его природно-родовой принадлежности, в неразрывном единстве космоса – природы – социальности – культуры и деятельности в направлении не подмены, а постоянного развертывания, совершенствования и не какой-нибудь другой, а именно человеческой самоидентичности.

Человек, дабы быть в состоянии регулировать и контролировать постоянные свои инновации и перемены в области социальной жизни, взаимосвязи с другими людьми, технико-технологической, информационной цепочке, может и должен передавать свои отдельные частные функции роботам,

искусственному машинизированному интеллекту и т. д. Но он не может передать свои важнейшие социальные функции производителя материальных и духовных благ, нравственных ценностей; социального взаимодействия с себе подобными; социальной ответственности за статус творца социума как специфического дома, где только и может обитать он сам и его потомки.

Опасения насчет исчерпания человеком своего потенциала, его способности справиться с выпущенным на волю джином цивилизации сильно преувеличены. Как и то, что якобы назрела необходимость его замены суперчеловеком. О надуманности проблемы свидетельствует прежде всего такой факт. Согласно результатам исследований человеческого мозга в Стэнфордском университете, человек – наш современник – использует в среднем только 2 % (!) своего интеллектуального потенциала¹⁹. Прямо-таки грешно заменять конструкцией с искусственным интеллектом человека, который собственный интеллект так и оставит на уровне всего лишь 2 % КГД. Разве не стоит современному мировому сообществу буквально в самом мобилизационном режиме задействовать определенные личностные и институциональные, а именно образовательные, организационные, материальные и другие ресурсы, чтобы полнее использовать еще «непочатый край» потенциалов естественного человека. Того самого человека, который не раз доказал свою способность преодолевать невероятные трудности, творить чудеса. Можно себе представить степень ускорения по всем направлениям социально-исторического прогресса, если бы КГД интеллекта был хотя бы 10 %! Не знаю, как другие миры, но свой земной дом люди бы превратили в идеально обустроенную планету, где все контролировалось бы в ее внутреннем и смежном космическом пространстве.

Однако общество, особенно в странах, где человек продолжает оставаться не самым уважаемым социальным существом, снисходительно наблюдает, как главный агент социализации личности – учитель – каждодневно изнемогает в попытке развить у своих питомцев интеллект. Он вынужден работать одновременно с несколькими десятками юных созданий, из которых каждый – неразгаданная загадка, тугой узел противоречивых мотивов, побуждений. Здесь каждая голова – неприступная крепость. И притом трудится этот подвижник за гроши, тогда как любой чиновник, прошедший «через руки» учителя, имеет вознаграждение в разы большее и намного больше обласкан властями. Вот и получается в результате, что все чаще говорят о возрастании интеллектуальной системы компьютера, трактора, стиральной машины и не могут сказать того же о том, кто им передает с прямо-таки героическими усилиями свой, еще далекий до максимума собственный интеллект. Ничего хорошего человечеству такая социализация интеллекта у людей и создаваемой ими техноструктуры не сулит. Скорее при этом он сам рискует стать элементом данной структуры.

Отмеченные нами попытки деантропологизации человека, т. е. коренного изменения его природы, не могут не обесценивать и, если хотите, обесчеловечивать сегодняшний, а тем более завтрашний мир. Ведь если исчезнет природа человека, исчезнет и он как вид, и никакие самые утонченные интеллектуальные агрегаты его не заменят. Известный российский исследователь по вопросам антропологии П.С. Гуревич констатирует: «Человеческая природа – совокупность устойчивых жизненных черт, общих задатков и свойств, выражающих особенности человека как живого существа, которые присущи человеку разумному во все времена, независимо от биологической эволюции и исторического процесса»²⁰. Такого же мнения придерживается и Маршак: «Большинство современных социологов считает, что сегодня изменяется общество, а человек и его природа остаются неизменными, хотя обозначающиеся инновации способствуют проявлению нового в субъективности»²¹. Это такая уникальная, миллионы лет эволюционировавшая система, где отсутствие одного элемента вызывает распад ее как целого.

Как некоторые авторы ни стараются не замечать социальные функции человеческой биогенности, телесности (одаренность, здоровье, работоспособность, гендерные коммуникации, репродуктивность и т. д.), с их исчезновением отпадет и необходимость в социальности, социуме вообще.

Устойчивость человеческой природы не отменяет ее неизменности, способности самосовершенствоваться, прогрессировать в соответствии с усложнением задач исторического развития. Причем динамика этого саморазвития заложена в диалектическом характере природы человека и не требует насильственного вмешательства. Так, Гуревич останавливается на современной научной версии природы человека, ее парадоксальности, противоречивости. В этом внутреннем механизме саморазвития, «по убеждению сторонников трансперсональной психологии, отражено диалектическое напряжение между двумя универсальными силами: тенденцией недифференцированных и всеохватывающих форм сознания к членению, отделению, множественности и тенденцией изолированных единиц сознания к возвращению в первоначальную целостность и единство»²².

Следует отметить, что в моей монографии²³ прослеживается определенная параллель с изложенной здесь концепцией, но с позиций социально-ценностного подхода. Иными словами, многочисленные разнородные, выступающие диалектическими противоположностями черты, характеристики человека, их количественно-качественные соотношения проявляются как ценности и антиценности в процессе постоянного перехода одной меры человеческой природы в другую, подвижную, но в определенной степени целостную в своих относительных границах систему (меру). Все направленные на осмысление данного феномена социально-философские процедуры выполняются на основе знаменитой формулы Протагора «Человек – мера всех вещей» как исходной методологической посылки. Следовательно, при всей устойчивости основных – биологических, генетических, психологических – констант человека социокультурное содержание соответствующих им конкретных свойств, в частности сознательности, мировоззренческой, социальной, моральной зрелости и т. д., может варьировать. К сожалению, антропологический кризис показывает, что эта вариативность далеко не всегда развивается и реализуется в лучшую сторону.

Тем не менее природа сущности человека в целом демонстрирует его возможность быть весьма успешным индивидуальным и социальным субъектом в любой, в том числе современной, исторической ситуации. Как полагают эксперты, и в условиях огромной, стремительно нарастающей насыщенности информационно-психологического пространства и деятельности человека востребована не его «машинизация», а, напротив, лучшие социальные потенциалы его природы, всемерная творческая индивидуализация, дальнейшее развитие всего универсального диапазона его родовых констант и качеств как активного социального деятеля с ярким, богатым «Я». В частности, С.В. Кувшинов и Е.И. Ярославцева отмечают: «...современный человек как пользователь персонального компьютера имеет уже высокие индивидуализированные потребности, он фактически становится законодателем сетевого пространства. Поэтому перспектива расширения социальных сетей связана именно с удовлетворением его многообразных интересов. Все предлагаемые социальные сервисы в конечном счете должны стать инструментом самопостижения, усложненного отражения себя, своих возможностей. Прогнозы в данной сфере можно строить, исходя из того, что человек – это индивид, который может существовать в высокоустойчивой среде, постоянно создавая адекватные формы самореализации»²⁴.

Следовательно, выбор направлений и форм взаимодействия человека и всех созданных им инструментов обустройства жизни на Земле в принципе зависит от его компетентности, воли и ответственности, выбора демократически организованного социального пространства. Учитывая это, все версии

о постчеловеческой эре можно принять к сведению в качестве осмысления различных аспектов настоящего и будущего мира, но не в качестве концептуальных моделей развития его субъекта. Короче, на прозвучавший сорок пять лет назад призыв Хоманса можно ответить: да, к человеку как к подлинному хозяину социального дома вернуться необходимо, но к Человеку Разумному.

¹ Осипов Г. В. XXI век – эра социологии и других социальных наук // Соц.-гуманит. знания. 2009. № 3. С. 235.

² Хоманс Дж. К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 47.

³ Там же. С. 48, 49.

⁴ Беркли Дж. Сочинения. М., 1978. С. 188.

⁵ См.: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990. С. 507.

⁶ Подробнее см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

⁷ Романовский В. Н. Историческая социология. М., 2009. С. 293.

⁸ См.: Маршак А. Л. Инновация и человек: нужен ли инновационному обществу «новый человек»? // Поиск. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2009. Вып. 3. С. 18.

⁹ См.: Горелов А. А. Социология: Учеб. М., 2006. С. 12; Радугин А. Л., Радугин К. А. Социология: Курс лекций. М., 2000.

¹⁰ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 45.

¹¹ Там же. С. 180.

¹² Гроф С. Психология будущего. М., 2006. С. 398.

¹³ Там же.

¹⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 11.

¹⁵ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 20–21.

¹⁶ Беседа профессора И. М. Рогова с профессором Фрэнсисом Фукуямой... // Вопр. философии. 2009. № 2. С. 69.

¹⁷ Подробнее см.: Петов О. В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма // Человек. 2009. № 1.

¹⁸ См.: Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Филос. науки. 2009. № 2. С. 91–105.

¹⁹ См.: Трейси Б., Шеелен Ф. М. Личность лидера. Мн., 2007. С. 33.

²⁰ Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопр. философии. 2009. № 3. С. 25.

²¹ Маршак А. Л. Указ. соч. С. 10–11.

²² Гуревич П. С. Указ. соч. С. 31.

²³ Подробнее см.: Гуцаленко Л. А. Человек – мера добра и зла. Мн., 2008. (2-е изд. этой работы – Чикаго (США), 2009).

²⁴ Кувшинов С. В., Ярославцева Е. И. Человек в оцифрованном мире // Филос. науки. 2009. № 6.

Поступила в редакцию 09.11.09.